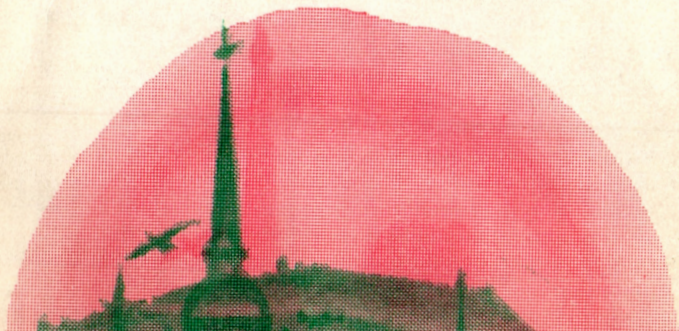

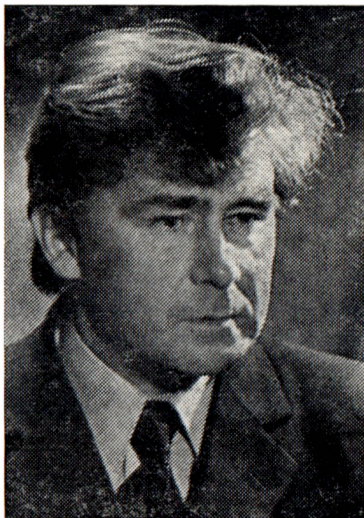
ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

видения
на
Холмах

Глеб Горбовский
ВИДЕНИЯ НА ХОЛМАХ

Москва
«Молодая гвардия», 1977

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

в и д е н и я
н а
х о л м а х

Н О В Ы Е
С Т И Х И

P2
Г67

Г $\frac{70402-066}{078(02)-77}$ 194-77

© Издательство «Молодая гвардия», 1977 г.

**ВИДЕНИЯ
НА
ХОЛМАХ**

В отбеленной холстине,
с головой, выплывающей из тумана,
я стою на стене крепостной.
На земле еще тихо и рано.
На славянской земле
занимается красноперая зорька.
Робкий дым от костра
над туманом колеблется горько.
Обнажаются травы
на холмах, подпирающих кладку.
Я стою крепконогий, кудлатый,
не гладкий,
не зализанный временем...
Рядом птицы,
поселившиеся в щербинах,
столь еще снисходительны
к людям, кострам и дубинам.
Обрягается берег речной
в пританцовывающие деревья.
Нет еще проводов над землей.
Провисает корье да вервие.
Дергану бечеву —
и простуженным криком
грянет колокол-сторож
над Русью, над Речкой Великой!
...Оседают туман
до низины, до сизого лога.
Оседаю и я,
выбегая с холма на дорогу.

Я иду напрямик
по лесам и рассветным долинам.
И дорога в пространство
вбивается солнечным клином!
Есть такая дорога
для всех, кто явился на землю.
Одолеешь ее —
будешь жить над собой (не над всеми...)!
И неважно,
что с этой дорогой прекрасной
для живого кончается время,
а также — пространство.
Там, на теплых холмах,
на водах и лесах говорливых,
остается любовь,
как зеленые злаки на нивах!
Остается любовь,
что дарил или сеял ты щедро...
...Я иду, обсыхая
от слез и тумана, под ветром.
Я иду, вечера,
иными словами — добрея.
И ликует душа над дорогой,
как радуга — зрея!

БАЛЛАДА
О СТАРОМ
ГЕНЕРАЛЕ

Ларисе Васильевой

Генерал захворал.

Он горел, как ракетная вспышка
над долиной, над долей... И комкала сердце одышка.
Он друзей вспоминал, словно поле окидывал взглядом:
Паша в танке сгорел, а Ванюша — растерзан снарядом.
Он друзей вспоминал...

Трогал шрамы рукою прохладной.

Снова Карбышев снился, —
опять ледяной и громадный.

...Генерал на диване лежал, непонятный и строгий.

Две руки на груди,
как крест на крест — две дальних дороги.

И ведь что получилось, что с воином случилось:
победила его не граната, не пуля, а — старость.

Генерал понимал: умирают деревья и звезды.

Значит, нужно смириться...

А смерть? — улыбнуться ей просто.

Ну а если достать — именно
из шкатулки?.. С табличкой?

И лети, генерал.

Поднимайся над Родиной птичкой.

Пусть в соседней квартире, услышав тот хлопнувший
выстрел,

о шампанском подумают люди — о брызгах, об искрах.

Ну, так что? Ожидать?

Или — к дьяволу эта морока?

...Тяжело умирать без друзей.

Тяжелей, чем без бога.

МГНОВЕНИЕ

Они полюбили,
не зная, что завтра под небо
из крови и пыли
ударят фонтаны свирепо!
Они целовали
друг другу глаза и веснушки,
а завтра едва ли
их губы сомкнутся послушно..
Но это лишь завтра.
Сегодня разнять их не смогут.
Военные залпы,
какой их предскажет сейсмограф?
Но это лишь — утром...
В запасе есть целая радость.
Над озером утки,
а завтра... Но завтра — не надо!
И краткого мига
никто не приблизит. И часто
столетие мира
короче — военного часа.
Быть может, с рассветом
те двое... от пуль... камня...
Но это с рассветом.
На целое счастье позднее!

ПИСЬМО

На дне окопного оврага
добыл я гильзу из стены.
А в ней — истлевшая бумага,
письмо, пришедшее с войны.

Должно быть, кто-то перед боем
смочил графит карандаша
и с перемазанной губою
писал, как думал, — не спеша.

Вручал слова бумаге брэнной,
писал, склоняясь к фитилю.
...И вот слова сожрало время.
И лишь одно сквозит: «лю-блю»...

Одно осталось... Но упрямо
горит сквозь все, что в жизни есть!
...Что он «лю-бил...»? Отчизну? Маму?
Иль ту, которую?.. Бог весть.

Любил, и все. Не по приказу.
А по приказу он в тот раз,
наверно, встал и умер сразу.
И вот воскрес.
Во мне.
Сейчас.

БЛОКАДНАЯ ДВЕРЬ

Ледяная спит скала
на дворовом днище.
Тень последняя ушла
в вечность — из жилища.
Всё. В квартире тишь теперь.
Ни души. Ни гнома...
Лишь выпрыгивают в дверь
звуки метронома.
В первый раз не заперта
дверь стояла — настужь.
Из ее большого рта
ни дымка, ни «здрасьте».
Ветер, жалок и бескрыл,
забредя с панели,
дверь несчастную закрыл
через три недели.
Вот и всё. И номерок
на эмали пыльной...
Мир остался. А мирок
лопнул, словно мыльный.
Мир за окнами сиял
ищем и верой!
Мир остался. Устоял.
Был больших размеров.
...И теперь не ты, не я
вместо прежних, вместо! —
воротилась тень твоя
в каменный подъезд тот.
Дверь оцупала, а день
к солнцу был нацелен!

И прошла сквозь нашу тень
девочка с портфелем.
Стало весело, поверь:
фартук, две косички...
И смеялась наша дверь
тоненько, как птичка.

На военных дорогах,
помимо людей,
убивало железо
собак, лошадей.
В реках рыб убивало.
И птиц в небесах.
А еще убивало деревья в лесах.
Это очень печально —
в эпоху чудес
после боя войти в обезглавленный лес.
Как же странно он выглядит —
солнечный свет —
на обрубках,
в которых дыхания нет!..
И потом,
если взглянешь под ноги свои,
неприменно увидишь:
бегут муравьи.
Даже как бы трава,
и кряхтя, и сопя,
переносит на новое место себя.
Не туман —
расстилается саваном чад.
По ночам равнодушные звезды молчат.
А когда на момент захлестнет тишина,
над землей довоенная песня слышна...

МИРНЫЕ ЛЮДИ

Меж домов,
не успевших обсохнуть от солнечной краски,
ходят юные люди по жизни
без всякой опаски.

Наступают на землю и твердо, и нежно,
и просто.

И глазекют на небо,
с которого якобы падают звезды.

А меж этими новыми, звонкими,
с розовой кожей,
ходят люди постарше,
которые как бы построже.

Ходят люди, таская,
помимо законной одышки,
на каленых плечах —
чужеродные им пиджачишки.

...И когда до грозы
изготовится ветер к атаке,
то у тех, кто построже,
свои зажигаются знаки:
из-под реденькой челки
рубец побелеет, как иней,
или за спину ветер
порожний рукав запрокинет.

И, когда самолеты
проходят по небу с надсадом,
провожают их строгие люди
измученным взглядом...

И взметнется рука
под затылок — к незримой пилотке.

И кричат ордена!..
А точнее — молчат их колодки.
Не от жалости, нет,
говорю я об этом народе.
Просто это заметней,
когда знаменосцы уходят.
Просто хочется сердцу,
чтоб новые, те, помоложе,
проводжали их в вечность
нежнее.
И — строже.

ДВА КОЛОДЦА

Дощатый шалашик у самой дороги,
бетонные своды ушли в глубину.
Шофер, разминая степенные ноги,
закинет ведерко в него, как блесну.
Пройдут грибники — языки прополощут,
проедет на белом коне почтальон —
и он родниковой, подпочвенной хочет,
и транспорт его, погрузившийся в сон...
И так без конца, до ночного затишья
качают народы бальзам ключевой.

...А там, за дорогой, в кустарнике пышном
есть старый колодец, заросший травой.
Над ним проходила война, выедаю
живое и мертвое — жадным огнем.
И умер колодец, быльем зарастая,
и сгилла вода, позабытая в нем...
И я, разгребая траву, как столетья,
кричу в эту яму, нелепо бодрясь:
«Спасибо, старик!» — констатируя этим,
что все-таки жизнь у него удалась;
что старый колодец поил — не иначе —
поил он и пел он, пока не затих,
что жил он отдачей, кристальной отдачей,
прозрачной отдачей
и жаждой живых!

**ВИДЕНИЕ
НА ПОЛЕ
БОЯ**

*На острове Шумшу до сих пор не
убрана боевая техника времен Вели-
кой Отечественной войны.*

На скатерти воды, как шрам, бугрится след:
везут меня к войне, назад за тридцать лет.

По солнцу и воде на катере спешу.

...Идет последний бой на острове Шумшу.

Осенняя в горах пылает красота.

На острове Шумшу не взята высота.

Тот — с башней набекрень, тот — с дыркою слепой,
ржавея и кряхтя, уходят танки в бой.

Из погнутых стволов огонь идет внахлест.

Вот горстка храбрецов с земли поднялась в рост.

Как старую траву, что солнце не дожгло,
рвануло их с земли и ветром понесло...

Колышется их строй, шуршит в устах «ура!».

На острове Шумшу горячая пора.

Шевелится война, мир ходит ходуном.

Так шествует порой цунами шатким дном.

...Стою как неживой на взятой высоте.

И рыжие внизу молчат металлы те.

А люди, переждав железа лязг и визг,
отдав любовь и жизнь, сошлись под обелиск,

как бы — перекурить, затишье переждать,
чтоб снова умереть и снова — насмерть встать!

...Цунами, говорят, толчки... Ученый вздор.

То люди на земле ведут извечный спор:

на острове Шумшу, на всей планете сплошь, —
за истину и ложь,

за истину и ложь.

ВЫСТРЕЛ

Клевала рыбка серебристая,
молчало озеро в лесу.
И вдруг какой-то дьявол — выстрелил!
Почти в упор... Аж дым в носу.
Шальное эхо в поднебесие
отрикошетило с воды.
И стало даже как-то весело
от жаркой близости беды.
Наверно, кто-то утку выследил
и, не поставив на крыло,
едва очки мои не высадил!
Да промахнулся... Повезло.
И сразу память раскошелилась:
дохнуло кровью от земли,
золотом и свежими траншеями,
и потом тех, что здесь легли...
В заросших ямах, будто в кратерах,
на миг почудился огонь,
тот злой, губительный, карательный.
И дыбом прянул дым, как конь!
...Я шел до города сконфуженный:
была игрушечною смерть,
что прощала что-то в уши мне...
А ведь могла боднуть, посметы!
Могла, но где, когда? Нет, надо же!
В такой глуши... Не смерть, а бред.
И пахли пни гнилые — ландышем,
а рожь — любовью юных лет.

КРЫЛЬЯ ЖЕНЩИНЫ

Припав к стеклу больничному устало,
что видит человек?
Кирпич квартала?
Живой,
отторгнут роком от других,
исполнен он намерений каких?
Куда свои наводит телескопы?
Туда, где звезды вязнут, как микробы?
Уймись гадать!
Влеком он не звездой.
Он видит образ женщины простой.
...Она рукой,
душистой, как долина,
не раз ему раскаянье дарила.
Она ему румяными губами
поддерживала память, будто — пламя.
Она его магнитом певчих глаз
из бездны извлекала всякий раз!
...Как неся он с обрывком красной ткани
к трем деревцам, застывшим в зимней рани...
Как белый цвет высоты той кудрявой
перерастал в коричнево-красавый.
Как высоко, почти над всей землей,
поднял он знамя в тот рассветный бой!
И как,
прозенный тысячью смертей,
он долго падал на руки людей...
Но даже в этот грозный, звездный миг
к нему — ее! — всесущий взгляд приник...
И устоял он, выжил в пику — злу!

...И вот, припав к больничному стеклу,
что видит он?
Кирпич глухой стены?
Он видит крылья белые жены.
Его терзают раны страшных лет,
но видит он — ее!
...Которой нет,
ее уж нет в тех праздничных домах.
Но как крылат ее победный взмах!

* * *

А. Мореву.

По ступеням к морской разудалой водичке,
по уступам из серых граненых камней...
Оставляю одежды, надежды, привычки —
уступаю воде: приношу себя к ней.

Мне еще на заре, на вокзалах скитаний
обещала гадалка беду от воды.
Уступаю воде... Но умру не в стакане:
в синем море, где рыбы разводят цветы!

Надоело, устал уступать шарлатанам,
хитроглазым машинам, имеющим вес...
Уступаю воде! Мировым океанам!
Обжигающим звездам, что плачут с небес...

Опускаюсь в пучину, под синюю кожу
и... стремглав просыпаюсь! В палатке, в лесу...
Ничего не случилось. Кусается дождик.
Дождевая вода на ногах и носу.

Маловата палатка, а сны — беспредельны.
Вот и все... Затяжной дождевой тарарам.
Уступаю усталости в собственном теле
и опять засыпаю — навстречу мирам!

СТАРЫЙ ОХОТНИК

Он уже не стрелял, но ружье за спиною
продолжало висеть, как на серой стене.
Он с утра уходил в государство лесное,
как когда-то на той партизанской войне.

По сырому стволу почерневшей осины
перетаскивал тело свое за ручей.
И сияли очки его — краскою синей,
если в небо вздымал он окошки очей...

...Он любил этот лес, этот мир бородатый,
этот край, где оставил друзей почивать.
Каждый день уходил в этот мир, как в солдаты,
и домой возвращался в пустую кровать.

И болела какая-то рана все лето...
Он и счет этим ранам давно потерял.
Он уже не старел и смотрел, как с портрета,
на котором слегка потускнел матерьял.

И соседи его (по болоту и лесу)
постепенно привыкли к нему, как — к траве...
Был теперь он пронизан одним интересом,
свет один колыхался в его голове:

Стал он — добрым. Зачем, почему? Неизвестно.
Раздавал свои книги, одежду, рубли...
«Это лес его так! Это все из-за леса!» —
говорили старухи. И в сторону шли.

* * *

Поет принаряженным голосом жалкая птица,
колышется зверь, огибая в движениях самку:
мы знаем: то брачная, жаркая удаль дымится,
мы знаем: то чары, которым подвержены сами.

Земля содрогнулась. Какие-то сдвиги в природе.
Напрасно японские рыбки дежурят бессонно:
они — не предскажут. То резвые гении бродят.
То волны их буйного мозга в идеях стозвонных.

Мы знаем... Как многому мы научились. Но — тише!
Вот дверь, за которой я не был. Ни звука
не слышно за нею. Ни мысли, ни скрежета мыши.
Пусть! И пусть гробовая за нею разлука!

Летучим Голландцем — лишь три бороздя измерения —
носило меня по планете — гигантскому цеху.
Я строил, сверлил, извлекал из поступков коренья
сверкающих истин! Дробил их! И жаждал успеха...

Но дверь, за которой я не был, всегда не давала покоя.
И наша земля, и тела наши, полные песен,
вдруг все это только — изнанка иного? Инос?
Иное — за дверью. В другом временном поднебесье.

...Неужто мы знаем, но только в своем водоеме?
Как рыбки? Японские чуткие, робкие рыбки?
Ведь нам уже тесно в себе, как в пещере... И кроме
того — иногда мы играем на скрижке...

* * *

Перед сном,
перед тем, как обнимет покой,
навестить существо,
что зовется — рекой.
Не забыть у излучины,
там, где луга,
как флаконы, обнюхать ночные стога.
А потом,
наблюдая густеющий сад,
поразмислить о времени,
глянув назад.
Ухватясь за его равнодушную нить,
постараться вокруг никого не винить.
Ни вот эту холодную каплю дождя,
что упала за ворот,
мурашки будя;
ни вот тот голосок,
воспаривший, как дух,
что не твой предназначен умасливать слух;
ни вот ту, озаренную звездами, пасть...
Никого не винить, не бранить и не клясть.
Постоять у реки.
Ощутить ее ток.
И неважно теперь,
кто ты — бард или стог?
...Постоять у реки, на своем рубеже
и уйти
с безупречной улыбкой в душе!

ВЫСОТА

Исследуя прибор любовно, как мечту,
сказал Второй пилот: «Теряем высоту...»
Без паники сказал. Как в гости пригласил.
А Первый о прибор — окурочок погасил.
Сквозь старенький мотив, что распевал мотор,
я слушал этот их веселый разговор.
Под нами, точно лед, воздушная струя.
И там, под этим льдом, спит родина моя.
Была под нами ночь, как плот. И на плоту,
беспомощные мы — теряли высоту...
...Наверно, я устал: который год подряд
улыбки расточал, хотя и не был рад.
Когда просила жизнь всю кровь, а не кивок,
вертлявою рукой маскировал зевок.
Коль был необходим — рывок с постели в ночь,
я сердце утешал: всего не превозмочь,
ты слабенький сосуд, ты редкостный фарфор...
«Теряешь высоту!» — показывал прибор.
...Страна моя, любовь, услышь меня в ночи.
Хотя бы над собой подняться научи.
Хотя бы над судьбой, а там уж я найду
иное удалство, иную высоту!
...И вот Второй пилот повеселел, расцвел.
(А Первый хоть бы что! — и бровью не повел.)
Лишь солнце над землей, да стрелка на шкале —
все выше, как душа, притихшая во мгле,
все выше, как любовь, познавшая обвал...
И долгим был подъем. Но кто-то выше звал!

ПАССАЖИРЫ

Вижу те же атрибуты:
добрый лес, дорогу вдаль,
Русь, справляющую утро,
хлеб, кирпич, на шпалах сталь.
Все знакомо: бег машины,
лет крыла, галоп часов,
крик души, походка сына,
лай фланирующих псов...
Все знакомо... Бог и Дарвин.
Но при встрече с новым днем
ты все чаще благодарен
за возможность ехать в нем.
Разместиться в трясках сутках,
крикнуть шепотом: «Ура!..».
И неважно, что в желудке:
черствый хлеб или икра.
Да, теперь уже неважно,
отпадает оный груз.
Важно то, что вот не страшно,
что из сердца выбыл — трус.
...И когда, не сбросив скорость,
въедешь в вечер, как на мост,
глянешь в небо ясным взором,
мимо ангелов и звезд!
И не в прах, не на колени
перед бездной!
К бесу — страх...
Сын земли, дитя вселенной,
пассажир любых пространств.

ДОМ У ДОРОГИ

Как под косыночку девичью,
легла земля под первый снег.
Глуши мотор! Сливай водичку!
Неси гитару. Будет смех.

...Грузовики перед столовой
вели ворчливый разговор.
Вокруг подворья лес еловый
стоял недвижно, как забор.

Туристы шмыгали носами,
пытались петь... И под трезвон
снежинки юные плясали
и опускались на газон.

Прощалась дохленькая клумба
с веселой жизнью — до весны...
Здесь было нечто вроде клуба:
игра, беседа, пицца, сны.

Наверняка во время оно
седок, менявший лошадей,
здесь пил чаек, икая сонно,
и ждал в лесу его — злодей.

И снег валил такой же первый,
еще негожий для саней.
И жеребец, сырой и нервный,
жевал железо у сеней.

Пора! Пора и нам в дорогу.
И, пропустив снежинку в рот,
я выхожу на дюжий рокот
чумазой «татры» — у ворот.

Стучу ладонью по капоту,
в дверную втискиваюсь щель...
А на шоссе веселый кто-то
жужжит и мечется, как шмель.

* * *

Лежать. Что в мире проще?
Накрыться с головой.
А над тобою роца
и чей-то смех живой.
...Сквозь сон, как сквозь одежду
проходит острое,
прошло в мой слух нездешний
дыхание твое.
Я знаю: ты склонилась,
как солнце над землей.
Останься! Сделай милость.
Прожги хоть первый слой.
Мой сон тяжел и прочен.
Темны его слои.
Мильоны оболочек
мутнят черты твои.
...Чу, завиток душистый
упал на мой покров,
и смех прозрачный, чистый
мою озвучил кровь.
Сейчас я встану мощно!
Отброшу склон холма...
Вот только жалко роцу:
погибнет задарма.

ПТИЦАМ

Проснулся ночью. Бьет четыре.
А там, над речкой, по кустам
да и во всем немолчном мире
уже в разгаре — птичий гам!

Да и какая ночь?! — Прозрачно.
Уже примчались соловьи,
и майский жук в заботах брачных
ломает крылышки свои.

Но птицы, птицы! Вот загадка,
вот диво жизни, вот секрет.
Порой проснешься: сумно, гадко,
услышишь птиц — и в сердце свет!

И в жизнь выходишь: к соснам, к лицам,
готовый верить снам, мечте...
И улыбнуться добрым птицам
позабываешь
в суете.

ВОДА ЗЕМЛИ

Иду, как ходят корабли,
всей плотью плавною ступая.
Навстречу — реченька! Любая...
Не старше неба и земли.

Нет, я мольберт не разложу,
не щелкну кнопкой аппарата, —
как боль сестры в улыбку брата,
я речку в сердце провожу.

Река в разводах нефтяных,
как в синяках. Как замарашка.
...Не умереть — иссякнуть страшно
в себе, как в сумерках немых.

Давай обнимемся, река,
и так помчимся к океану!
Пусть вода у нас — с изъяном,
зато какие берега.

Раздвинем глину, что на дне,
отбросим камни, точно скуку!
...И вот река, как будто руку,
ручей протягивает мне.

Ах, в нем водичка молода!
Чиста, задорна и прохладна.
А наша плоть — рубцы да пятна,
а наша плоть — угрюм-вода.

ПРИМЕТЫ

А были сумерки. Смеркалось.
И в этой сизой тишине
над полем что-то колыхалось
навстречу вечеру и мне.

Вдали солдатскою шеренгой
застыл молоденький лесок.
И кто-то косо, набок, с креном
шел — невесом и невысок.

Вот спичкой чиркнул. Папиросу
затеплил возле бороды.
И робко замер над покосом,
как бы боясь измять цветы.

Вознесся крик над птичьим лесом
и как бы вдруг — пошел ко дну...
...Но долго пение протеза
еще сверлило тишину.

* * *

Проходит стадо выгоном,
пастух шумит кнутом.
Пасти скотину выгодно:
зван гостем в каждый дом...

Спокойное, румяное,
как яблоня, село.
Не жизнь, а каша манная!
Да и зачем здесь — зло?

Вон карапуз над травушкой
возник, как мотылек.
Вон дедушка на лавочке,
непьяный, а прилег.

Вон председатель кожаный
в машину сел рулить...
...Но что-то есть тревожное,
а в чем? — не уловить.

Не в подгоревшем воздухе,
не в выстреле кнутом...
Вот разве — в ржавой звездочке
на столбике... На том...

* * *

И вздрогнет душа на ветру,
как березка...
И страх под ребром занудит,
как короста.
А там, за рекою —
неровного среза
вздымается крыша огромного леса!
Стоят безупречно, бесстрашно,
серьезно
различного роста —
другие березы.
Стоят, обнимаясь,
как перед расстрелом,
и тянет сквозь их построенье
горелым...
Прошу тебя, буря,
сорви меня с места,
сожги меня с ними,
с поющими вместе!
Я только свеча
с излученьем смиренным,
а с ними я стану —
костром вдохновенным!

ПРОБУЖДЕНИЕ

В окне,
спасаясь от пожара,
висеть над серой мостовой,
затем — упасть проткнутым шаром
вниз — невезучей головой!
А там проснуться...
Вдруг — воскреснуть
и позабыть в единый миг,
что череп твой пытался
треснуть,
что был уже исторгнут крик!
Проснуться!
Это ли не чудо?!
И пусть доступнее во сне
любовь и смерть,
добро и худо,
но лишь бы вновь проснуться мне!
Стать перед солнцем на колени
и повторять:
опять живу!
В бинтах,
в слезах,
кругом в измене,
но, слава богу — наяву!

Просыпайтесь, веселые клеточки тела,
невеселые — спите до лучших времен...
На дворе уже осень. Листва поредела.
В полинявшем саду — капитальный ремонт.

Я сегодня возьму старомодную палку
и пойду, променяв заливное шоссе
на проселок, который петляет вразвалку,
сквозь леса, что пылают в прощальной красе.

Поживем! — говорю я себе мимоходом,
поживем и увидим весну поновей.
И клубится листва уходящего года,
и все больше прогалов и дыр меж ветвей.

Так и вижу, как год на огромных ножищах,
задирая кафтан, убегает к зиме,
словно хитрый медведь — в потайное жилище.
чтобы там затаиться — себе на уме...

Затаимся и мы на паркетах берлоги.
Станем сдержанней к ночи на смех и слова.
Будем делать прилежно любые уроки,
даже те, что весной пролистаешь едва.

Будем чаще глядеть не в окно, а друг в друга,
будем жизнь утеплять поцелуями глаз...
А когда в выходной распояшется вьюга,
распакуем любовь, что лежит про запас.

Распакуем любовь, отряхнем, разморозим
и поставим на стол, как седое вино!
...Только это потом. На дворе еще осень,
и хватает того, что на будни дано.

Это только трава да листва пожелтела,
это лишь на беспечных пришел угомон...
Просыпайтесь, веселые клеточки тела,
невеселые — спите до лучших времен.

Закрываю веки глаз
перед пулей,
защищаюсь всякий раз,
коль боднули.
Под подонка, как под танк,
не гранату,
свой швыряю — хрупкий такт
виновато...
Время катится, слепя,
мнет дорогу.
Эх, забраться бы в себя,
как в берлогу!
Заметай, метель, следы,
кукиш — злобе.
Мир шатается, а ты
спишь в сугробе.
Так бы ехать, не спеша,
в той постели.
И вращалась бы душа
где-то в теле.
...Но, как адский механизм
в уголочке,
напевает жизнь: проснись!
Или — в клочья!
Разнесу тебя, сынок,
на частицы.
Защищайся! — И пинок
в ягодицы!
...И встаешь из тишины.
И с размаху
надеваешь шум весны,

как рубаху.
И взлетаешь высоко,
будто птичка...
И прозрачно, и легко
с непривычки.

В ОДНОМ ВАГОНЕ

Я тебя ощущаю:
ты едешь в соседнем купе.
Между нами — орнамент стены,
как насмешка тончайшая...
Но она — разделяет!
И я прикасаюсь к тебе,
словно мы в чемоданах,
поставленных рядом случайно.

Мы летим, рассекая
пустынный, как космос, январь!
И лицо тепловоза
от стужи становится тощим.
И хлопчет снаружи
какая-то вредная тварь,
задувая нам в щели
на всем протяжении ночи.

И стальные рессоры
нас будут качать до утра...
Отгорожены верой, мольбой
и надеждой,
мы несемся в себе
сквозь свои январы и ветра,
сквозь орнаменты стен
улыбаясь друг другу, как прежде!

НА ЧУЖОМ ФУНДАМЕНТЕ

Облюбовал в бору сосновом
ручей, поляну, а на ней —
фундамент, бывшую основу,
бетон чужих ночей и дней.
Построил дом на том бетоне
и зажил там под птичий звон...
И постоянно в этом доме
ко мне такой являлся сон.
...Едва померкнет день над речкой, —
вся, как в слезах, в мерцанье вод,
идет она! А ей навстречу
над миром — юноша плывет.
И так постыла им разлука,
так закусили удила,
что — не заметили друг друга
их разобщенные тела!
И, хоть они тянулись гибко,
как будто к истине из лжи,
как в двух аквариумах рыбки,
их разминулись — две души...
Прошли: она в туман неверья,
во мраке гнева скрылся он.
...Зачем я здесь построил терем?
Чужая жизнь. Чужой бетон.
И сны чужие. И карельских
берез и сосен чуждый шум...
И я уехал, встав на рельсы,
от этих псевдоснов и дум.
Но в том и фокус, что чужая
нас тоже гложет — быть и боль.

Она вращает в нас, лишая
самых себя, как алкоголь.
И я все вижу эти лица,
вотще сомкнуться им велю...
И начинаю сам стремиться,
минуя тех, кого люблю.

НАТАШЕ ШУРЫГИНОЙ

Была девушка. В прошлом. В просторе
памяти.
В гуле весны грачиной.
Оказалось, пужло приехать к морю,
чтобы узнать о ее кончине.
Нужно зайти далеко в воду,
в соленые волны, точно в слезы,
чтобы сердцем ее оплатить по счету
на свадьбе жизни выпитый воздух.
Солнце мчится, как в съемке ускоренной,
золотое — на суконой синеве юга.
А мне все видятся ленинградские дворики,
где мы с тобой понимали друг друга.
Скрипят карусели в приморском парке.
Шлифуются мысли.
Гладильня приборя.
Хочешь, опять посидим за партой
в прошлом, где ты — не была собою?
С горы виноградник растет отлого.
Трепещет парус, как женский плащик.
Хочешь, прочтем вдохновенного Блока
в прошлом, где ты не была — настоящей?
Спрячем в блокнот поминальные даты.
(Черточка между — в жизнь длиною...)
Да разве же ты проживала когда-то,
если тебя не осталось со мною?
Была девушка. В воздушном аквариуме.
В недвижимой вечности — вертлявая малость.
Прощай, неузнанная. Прости, подаренная.
Для чего пригрезилась? Почему сломалась?

Была девушка. Лаской лучилась.
Шумела, ветреная, чтобы стать — тишиною.
...Стихи не шли.
И вот — сочинилось.
Но какой ценою. Какой ценою...

ЛЕС

Б. Ш. Окуджаве

Лес поредел и приутих,
за пять кварталов слышно птицу.
С кудрявых скромниц и франтих
листва отжившая струится.

Береза, голая на треть,
еще танцует, дыры пряча.
Не умереть, а — замереть
до лучших дней — ее задача.

А вот молоденький дубок —
еще не в теле, тонкошей,
стоит упругий, как клубок
неопалимых украшений.

Помилуй бог, какая прыть!
Все будут спать, а он — не хочет...
Не умереть — глаза прикрыть,
смелее, друг, спокойной ночи.

...Уже комарик не пищит
и мошкара иссякла вроде...
Одни крылатые клещи
еще гарцуют на свободе.

Осенний лес — притихший друг,
в тебя войти, как в заблужденье.
Зачем рисуем жизни круг,
Зачем отбрасываем тени?

Дышать, любить — сей миг, сей час,
летать, как семечку, в просторе!
Одна орбита вяжет нас,
как круг спасательный на море...

Лес поредел и приутих.
А сердце, сердце все хлопочет!
...Как хорошо, что разный почерк,
хоть и один удел у них.

ГРАНИЦА

Заменяли поезду колеса.
Заглянул чиновник в паспорта.
Вот и все... Как буднично и просто
в чужедаль увозят поезда.

За окном река, пружиня волны,
как рука ложится поперек.
Проскочили мост, и перезвоны
вдаль унес лохматый ветерок.

...Понимаю, что на фоне бездны,
звездной бездны, голос мой — ничто,
но, как прежде, памяти любезны
разуменья: Родина, гнездо...

Что граница? Полосатый выступ
да солдат зеленый под грибком.
Не стесняйся, если ты к Отчизне
не квасными чувствами влеком,

не стесняйся дому поклониться,
помолиться, а — не покивать!
...А границы, чтоб — не раствориться,
чтобы нам себя не забывать.

В ДУБОВОЙ РОЩЕ

В дубовой роще кабаны,
распашка почвы острым носом...
А нам зверюшки не нужны,
мы смущены другим вопросом.
Дубы... Неужто эта плоть
не сознает, не зрит, не внемлет?
И можно резать и колоть,
и жечь ее — все зла приемлет?..
Мышь перед гибелью пищит,
комар стенает в паутине,
а эта силища — молчит,
как щит — погибель не отринет.
Добро б осинка или клен,
а то ведь дерево, как крепость!
...И вспомнил я, как был влюблен,
парализован счастьем слепо.
Пили меня — я во хмелю,
терзай секирой — я помешан,
руби, — а я в ответ: «Люблю,
люблю тебя!» — и голос нежен...
Ах, жизни гордые сыны,
деревья, полные молчанья,
и вы, должно быть, влюблены,
и ваша немость не случайна.
Там, где земля, как птица, вьет
круги
в неизмеримой глуби,
недаром только то живет,
что полюбило
иль полюбит!

* * *

Осень. Копают картошку.
Жгут в огороде ботву.
Все-таки грустно немножко
в этом моем «наяву».

Поле, как после болезни:
стрижено-брито... В лесу
за ночь деревья облезли,
листья — внизу.

Лает собака. Причина:
вышел мужик на крыльцо.
Птица, едва различима,
чертит кольцо.

Вот и не пишется... Знобко.
Печь затопи, дуралей!
Ну а стихи — на растопку,
чтобы теплей...

У ШЛАГБАУМА

Он уезжает из России.
Глаза, как два лохматых рта,
глядят воинственно и сыто.
Он уезжает. Всё. Черта.

«Прощай, немытая...» Пожитки
летят блудливо на весы.
Он взвесил все. Его ужимки
для балагана. Для красы.

Шумит осенний ветер в липах,
собака бродит у ларька.
Немые проводы. Ни всхлипа.
На злом лице — ни ветерка.

Стоит. Молчит. Спиной к востоку.
Да оглянись разок, балда...
Но те березы, те восторги
его не тронут никогда.

Не прирастал он к ним травкою
и даже льдом — не примерзал.
Ну, что ж, смывайся. Черт с тобою.
Россия, братец, не вокзал!

С ее высокого крылечка
упасть впотьмах не мудрено.
И, хоть сиянье жизни вечно,
а двух рождений — не дано.

ИЗ ЖИЗНИ СЛОВ

Люблю негромких слов журчанье,
как свет в завешенном окне.
Их молчаливые печали
всегда найдут приют во мне.

Не отвергаю слов потешных, —
пускай валяют дурака...
Им всем: и вещим, и кромешным,
и бранным — истина близка.

Но есть холодные, как бездна,
как черный космос — слова...
У них и мозг, и дух железны!
Душа, закрой на них глаза,

Законопать от них все щели!
И в синеве земного дня
стихов раскачивай качели,
словами добрыми звеня...

В ПОЛЕТЕ

Над жизнью пролетая,
гляжу в свое окно...
Вон город, где, рыдая,
пил юности вино.
А вон петляет речка,
где, вся восторг и новь —
таинственно, как свечка,
растаяла любовь.
Вон горы, где работал,
вон море, где молчал...
Вон среды и субботы,
чем жизнь обозначал.
...Ревут, поют турбины,
темнеет синь окна.
И красная рябина
сквозь годы мне видна.
(Ах, красная рябина,
обломана — не вся...)
Но давит время в спину,
и повернуть нельзя.
Летим! — паденье сладко.
Молчим! — недолог путь.
И нужно для порядка,
хоть тело пристегнуть.
А душу... Где уж, где уж!
Пусть падает снежком.
Ее ведь не удержишь
казенным ремешком.

ДОМ РОЖДЕНИЯ

Из года в год одним маршрутом —
с моста под арку... А потом
остановиться резко, круто
и тихо молвить: «Здравствуй, дом!»

Здесь, как птенец из-под карниза,
ты выпал в воздух! Сладкий миг.
И запах йода и аниса
в тебя по нервочкам проник.

И первый крик тебя покинул
по всем законам. Принят бой!
Здесь, в доме, смутно, как икона,
склонилась мама над тобой.

...Родильный, ты не стал родимым.
Родимый дальше, за Невой,
за всей судьбой текуче-мнимой.
А ты — казенный. Ты — не свой.

Ты, как вокзал, как берег-пристань:
где я корабликом завыл.
А дальше можно быть капризным.
смешным, но главное — живым!

...Лишась твоей незлой неволи,
жить на любви, как на ветру!
И позабыть тебя без боли,
как сон ребячий поутру...

ЛЕТНИЙ САД ЗИМОЮ

Идти через сад напрямую
к Фонтанке, к железу перил.
Там в инее домик зимует,
где царь свою трубку курил.
Поодаль, в пустом павильоне,
где выставка чьих-то картин,
сгибаясь в простудном поклоне,
вдруг вспомнить, что ты — не один!
...Вот шаткою тенью неровной
сквозь снежную муть-канитель
печальный крадется чиновник,
который утратил шинель.
А возле, как статуя, строго
изящный скользит человек.
Ужели и впрямь — это Гоголь?!
Теперь не забуду вовек...
Садясь на скамью под забором,
крупитчатым снегом скрипя,
окинет он Родину взором
и молча вернется в себя.
Сидит без упрека и страха,
глядит на прохожих людей,
покуда мороз под рубаху
своих не запустит когтей.
Тогда он взметнется сумбурно!
И в город идет через сад,
как ты, побывав в Петербурге,
в притихший идешь Ленинград.

**РАЗГОВОР
ПОЭТА
С ГОРАМИ**

Обступили горы... Истуканы.
Беспристрастны лица вечных гор.
«Отпустите к бабушке в Тарханы,
ворочусь — продолжим разговор.

Все равно по вашим гордым лицам
не узнать о правде бытия...
Отпустите детству поклониться,
что вам, горы, пауза сия?

Я седины ваши и морщины
уважаю. Вот моя рука!
Отпустите юношу, мужчины,
разговор меж нами — на века.

Время есть, как есть над нами звезды.
Наших дум — всевышний не объял...
Отпустите к дальнему погосту...»

Отпустили. Гений настоял.
Отпустили к бабушке в Тарханы,
разрешили телу отдохнуть...

А душа поэта
неустанно
продолжает свой кремнистый путь.

Всего-то пути: от шоссе до деревни.
Ручей перейти да подняться к домам.
Но грянул такой истерически-резвый,
тропический дождь по окрестным холмам!

Дремучий, как чаща — не сразу пролезешь, —
рискнешь завязнуть в стоячей воде...
И вдруг я заметил, что сырость — не бесит,
хоть влага петляет в моей бороде.

В кошелке в кисель отсырели журналы,
расплавилась соль и огруз сахарок,
но тело какая-то пьянь пеленала,
а сердце дурацкий качал ветерок!

И я говорил монотонно и чинно,
бросая в сумятицу молний слова:
— Старик, а ведь ты у меня молодчина...
Старик, а ведь ты у меня голова...

И мы поживем, поторчим, похлопочем
и молнию впустим в сырые глаза...
Миллионы пустых металлических бочек
кати по холмам — мировая гроза!

...Неужто и правда — не все отзвучало,
и жизнь не успела меня искрошить,
и можно сначала, и можно сначала,
как в первое утро, явиться и жить?!

В МУЗЕЕ

Мы подошли. Она — из мрамора.
Ты потянулась к ней, бледна.
Потрогала... И сердце замерло:
холодная! Но как стройна,
блестяща как в своем изяществе,
как долговечна... Что ей — тлен?
Точена как! Какое качество.
Какие чашечки колен!
Ах, этой коже не морщиться,
не расползаться — животу.
Такому телу не захочется
ни слишком вниз, ни в высоту.
Не посетит его отчаянье,
не предстоит ему от нас
ни улетать и ни отчаливать
ни на погост, ни на Кавказ.
...Пойдем на улицу, пока она
шумит ветрами и людьми.
Пускай дождем на нас покапает,
бензином очи продымит.
Ужо сорву с прилавка яблоко,
отдам тебе! И — радость в нем...
Живем!
Не будто бы, не якобы,
а в каждом ядрышке земном!
И в той, из мрамора... Которая
так потрясла твой разум здесь...
Она ведь гением исторгнута,
а гений... тоже хочет есть.

* * *

Как в клетке,
в стеклянном вокзале
увидел я стайку цыган.
Пиратские серьги свисали,
словесный хлестал ураган!
Клубились цыганские кудри...
А в центре — среди молодух —
старуха со взором премудрым
сидела неслышна, как дух.
Плясали цыганские дети,
был дерзок их пляс и упруг!
И плыл обжигающий ветер
от их завлекающих рук...
Но сдвинула бабушка брови, —
и оторопь пляску берет.
И кто-то из публики бросил:
«Веселый цыгане народ!»
Веселый?
А может, великий?
Как всякий, живущий любя,
кто в месиве рас и религий
пронес, как ребенка, себя!
...На них золотишко мерцало,
тела их вращались, жужжа...
И молча,
сквозь все причиндалы,
светилась живая душа.

* * *

Стучи, мое сердце, работай в три смены.
Еще далеко до большой перемены.

Еще нам с тобой на земле не однажды
мудреть у ручья, воскресая от жажды!

...Вот скажут, рядится в румяного хвата...
Бравада беззубая! Спесь и бравада.

А может, и с совестью жмурки да прятки.
Чего не бывает на пятом десятке?

...Все проще и чище. Как взрывы на солнце.
Взметнется душа на дыбы — и несется!

Как в старой планете порою — веселье
выиграет! — и все ощущают трясенье.

Шали, мое сердце, играй, мой ребенок.
Пора поразвлечься... Достаточно — гонок.

Пока из очей не закапала злорада,
нам нужно встряхнуться! Мы скучные оба.

Мы слишком спешили по жизни и рано
проехали мимо ее балаганов...

* * *

Разве мне это нужно:
читать на заборах афиши,
в парикмахерских щупать
подшивку истлевших газет?
Я рожден подниматься
до птичьего неба и выше!
Я обязан встречать
на вокзалах планеты — рассвет!

Опоздал! Рассвело...
Значит, все по второму заходу:
и любить, и прощать...
Завожу раскаленный мотор.
Лишь бы крылья держали.
Да грудь не разбить о свободу.
Лишь бы к сроку успеть,
горизонт расчесав на пробор!

Не успел! Ухожу...
Приношу извиненья. Тушуюсь.
Говорю на прощанье
блестящую скучную речь.
Уношу, словно зарево,
дымную душу большую,
чтобы там, за чертой,
от грядущих грехов уберечь...

**ПЛАЧ
ПО КРАСИВОМУ
ТЕЛУ**

Спасибо, машина, за то, что меня придела,
за то, что кормила, поила и грела мне тело.
Ура! — механизму, а также — салют! — аппарату,
который вещал и молчал мне за сносную плату.

И все бы как надо, не вздумай турбина на крыльях
однажды меня перебросить — к зеленому Крыму.
И все бы как прежде, не выйди я к пышному пляжу,
где можно увидеть раздетую — публику нашу.

И сам я разделся. И сам осторожно, как шкуру,
с себя снимал полимеры и прочую макулатуру.
И что же я вижу? Я вижу, как в зеркале — в людях —
свое отраженье: оплывшие бедра и груди,

притихшие мышцы, как будто их смазало зноем!
Ах, что ты, машина, наделала в спешке со мною?
Где буйные плечи? Где шея, подобная гимну?
Куда подевалась осанка? Без боя погибла...

...Прощай, мое тело, катись на колесах по трассе.
А море шумело, как в старом одесском рассказе.
А море... Лишь море шуршало еще для души нам.
Вези же, машина, к своим застекленным вершинам.
Вези, мы согласны, к иным временам и пределам...
Да здравствует разум! Да скроется брненное тело!

СИГНАЛЫ ТОЧНОГО ВРЕМЕНИ

Идет трансляция стихов.
Доносит радио сквозь рифы
помех — вибрацию хлопков
и, словно слипшиеся, рифмы.

Как скакуны, летят в эфир
стихи! Поэт привстал на стремя...
И вдруг — сигнал! И вдруг — пунктир!
Мы по нему сверяем время.

Сквозь давку чувств, сквозь воркотню
морзянки, музыки и шелка
стихов — сквозь всю эту «броню»
проходит время, как — иголка!

Как пуля! Сквозь восторг и бред,
спивая всех единой строчкой!
И прячет голову поэт
в свои стихи, как в оболочку.

* * *

Переставлял себя, как мебель,
менял квартиры, города,
искал чего-то в дебрях, в небе
и вдруг растаял без следа...
Исчез. Куда? Но кто ответит?
Куда вода, уйдя в песок,
уходит? В землю или в ветер?
Куда душа стремится бросок.
последний, самый? Запредельный?
А мысль, сгоревшая в мозгу,
куда она, побывши в теле,
приткнется? К облаку, к песку?
...В часы прибою сих вопросов
всего сподручнее стоять
у неподвижного утеса,
где волны то вперёд, то вспять...
Зачем рожден? К чему свобода?
Навек ли рвется жизни пить?
...Лишь океан способен что-то,
пусть нашептать — не объяснить...

Рассматриваю землю в микроскоп.
Колесико ребристое вращаю...
Вот вспыхнул хризантемою микроб!
Живи, малыш, я все тебе прощаю:
твой путь уныл.
А рядом что за груз?
Должно быть, это — атомы железа.
Из них построил башенку француз
в своем Париже... Ради интереса.
А вот скользит в пространстве, не спеша,
печальный пузырек вялообразный.
Держу пари: тот пузырек — душа
какой-нибудь личинки распрекрасной!
Вращается колесико... Я жду.
И вижу вдруг — в пылинке! — тело мира.
Гигант — я наблюдаю это микро
не в ужасе и даже не в поту.
Вращается под линзами Земля,
и вижу я моря и рек извивы,
там нежные лирические нивы,
а там, как встарь, скопление ковыля.
Вращаются и мысли, и мечты
...Смотрю на мир вооруженным глазом!
А на меня, на мой удел и разум,
ужель никто не глянет с высоты?

Они гнездо с любовью вили,
вбивали нежно каждый гвоздь.
И после жили в этой «вилле»
вдвоем — счастливые насквозь.

Изба возникла возле речки,
в объятьях сосен и берез.
По вечерам журчала речь их
у камелька, коли мороз.

Весной пристроили курятник,
цветы и пару юных груш.
И стала их судьба нарядней,
и даже смех коснулся душ.

Под черепичной чешуею
ковчег их плыл сквозь сенокос.
И Млечный Путь над головою
весь изогнулся, точно мост.

Но захотелось людям в Киев.
Заколотили дом — и в путь!
А что за люди, кто такие, —
не в этом соль, не в этом суть,

ПЕЙЗАЖ

Окраина города. Осень.
На стройке — великая грязь.
По рельсам вагоны уносит
какая-то жгучая страсть!

А вот апельсиновый трактор
к оранжевой глине прилип.
Вот катится боком к баракам
какой-то танцующий тип.

...И вроде бы скромный пейзажик,
а все в нем цвело, шевелось.
Бытовка горбатилась в саже,
дымок колобродил, вился.

И только ничейная псина
стояла недвижно, смотря
на новенький храм магазина,
открытый в конце сентября.

* * *

Меня ворона вдохновляет!
Ударил розовый мороз.
Восток алеет. Поезд лает.
В дым заводской вошел наркоз:
окаменел, почил дымочек...
Ворона — скок!
И тяжело,
как бы клочок прошедшей ночи,
парит,
разинув злые очи...
Но солнце терпит это «зло».

РОДНИЧОК

Эту змейку воды, эту хитрую влагу,
что, виляя хвостом, проявляла отвагу,
я пытался прогнать с огорода лопатой,
отводил на пустырь, под валун ее прятал,
сыпал сверху песок... Бетонировал лужу!
А вода, будто гвоздь, выпирала наружу.
...Наконец я устал. Изнемог. Надоело.
Что ж, водичка, гуляй. Ты вела себя смело.
Заполняй, затопляй, хоть полмира, полсмысла.
Но вода растеклась... Разомлела. И скисла.
Стало ей без лопаты тоскливо... И к ночи
с огорода ушла — коридорами почвы.
До свиданья, вода. Мы с тобой не скучали,
наша кровь закипала, не зная печали.
А сейчас мы спокойны, смиренны. В итоге.
Продолжаем движение в общем потоке.
И не спорим с другими — что лучше? — не спорим:
выпирать родничком или пирится морем?

ХОРОШО

Хорошо перед покоем
прочитать пяток страниц.
Чей-то голос над рекою,
повисев, прольется вниз.

Скоро спать... А на страницах
у писателя — светло.
Мчит ручей, горланят птицы,
в небо солнце занесло.

Что ж, спасибо, друг-писатель,
угодил и ты чуток.
После книги выйти в садик,
закачаться, как цветок...

Хорошо. Вот так беззлобно
поторчать в ночном раю.
Почитать, потом захлопнуть,
лечь и баюшки-баю.

Завестись поутру рано,
взмыв над речкой нагишом!
...Хорошо. И даже странно,
почему так хорошо?

БЕРЕГ ЮГА

Берег моря — серый камень.
Осень. Скука ни при чем.
Как кому, а мне покамест
снятся женщины еще.

От шашлычной — смачный, злачный
к морю белый, как Кавказ,
дым сползает на карачках,
словно старый ловелас.

А на рейде, на подходе
с красным глазом фонаря
что-то ищет пароходик
на исходе ноября.

Берег моря — чисто, пусто.
Добродушен моря гул.
Высоко в горах, как люстра,
вспыхнул окнами аул.

Берег моря, берег веры,
берег прожитого дня.
Ах, какие кавалеры
спят, не выйдя из меня!

Кавалеры, ухажеры,
суперрыцари земли...
Берег моря, серый шорох.
И твое лицо вдали.

ХОРОШИЕ МЫСЛИ

Хорошие мысли случаются, если
за вашей спиной — надежда
листает журналы в вельветовом кресле,
и все так надежно.

Рука ее ловит на синем подносе,
как бабочку, чашечку чая.

И желтая челка, и желтая осень
покой излучают.

Хорошие мысли сгоняют усталость
с лица, как французское мыло.

«Спасибо, что вовремя к сердцу прижалась!» —
«Да не за что, милый...»

Давай потанцуем! Пускай музыканты
играют нам блюзы и вальсы.

Танцуем на улицу! Падайте, банты,
а платье — вздымайся!

Танцуем на улицу в белой одежде,
довольно под люстрой калякать!

...Но скверно на улице. Влажно и снежно.
На улице — слякоть.

Там ходят нормальные люди в заботах,
как в серых стандартных пальтишках.

Там ямы, заборы, там бегают кто-то,
взъерошенный слишком.

...А мы пересилим себя, перевысим,
танцуем наружу из башни!

Ведь тем и прекрасны хорошие мысли,
что с ними — не страшно.

ЛИЦО АФРИКАНКИ

В столичном теченье толпы на Таганке —
лицо африканки, лицо африканки!
Оно промелькнуло, как праздничный город
в окне моего изумленного взора.

Все ветры играли, все лучики пели,
а я обгорелый — дымил на панели,
как будто попал под струю огнемета!

...На девушке платье прозрачнее меда,
а ноги, из обуви вылезая,
кричали, что девушка в жизни босая,
что вся она в жизни из тела, из света,
из солнца отлитая — за морем где-то...

Но вот промелькнула. Как молния в туче.
А я продолжал изнывать и канючить:
«Ах, белые зубы — сгущенка из банки!
Лицо африканки, лицо африканки...
Ах, эти извивы поющей походки —
лицо африканки, лицо инородки.
Ах, эти глазищи — им нету названья, —
лицо африканки, лицо ликованья!
Ах, медные скулы чертовской чеканки, —
лицо незнакомки, лицо африканки...»

Толкаясь по городу, как по базару,
«Уймись, — говорил я, — ты хмурый и старый,
ты старый и серый, и сонный и пыльный...

В любви побеждает не мудрый, а сильный...
Вы разные с нею, как Волга и Конго,
и все эти глупые «ахи» — без толку».

...И вот я увялся. Зевнул. Улыбнулся.
Проверил наличие смеха и пульса.
И резво пошел по родимой планете,
где жили такие красивые дети.

* * *

В убранстве пышном и старинном,
легко взоидя на пьедестал,
стоит в саду Екатерина,
преображенная в металл.

Внизу, на лавочках — собранье
пенсионеров, детский гам!
...Стоит старушка-изваянье,
и пенье птиц к ее ногам.

И все бы тихо, все бы мирно,
когда б не грех от этих птиц...
Что им цари, что им кумиры,
что им судьба высоких лиц?

Едва пригреет бронзу статуй
природа солнцем золотым,
о, монументы, — рой пернатых
садится на головы им!

И я на лавочке смущенно
свой от царицы прячу взор:
на голове ее точеной
сизак нахохлился, как вор!

Небось кумекает, бесстыжий:
«Живая б ты меня, бабушь...
Так я хоть мертвую унижу,
хоть на бессильной — отсижусь!»

ПРОЛЕТАЯ НАД ОКЕАНОМ

В окошко круглое, как глаз
крылатой рыбы,
я посмотрел в рассветный час,
и волос дыбом:
огромная вода внизу,
огромный воздух...
И я, застывший на весу,
с кричащим мозгом.
Как это страшно: без земли,
без трав и птичек
остаться в воздухе... Вдали
от всех привычек.
Но я припомнил: там, внизу —
есть рыбы, крабы;
вон, как игрушечный в тазу,
возник — кораблик!
Мой взгляд поймал его, оплел
своей сетчаткой.
И вновь я мужество обрел,
(хоть и в зачатке).
А вон, чешуйкою блестя,
кружочком оспы,
в тряпье прибоя, как дитя,
явился — остров!
...Вернув себя из пустоты,
изъяв, воскреснув,
я вдруг открыл, что рядом — ты
проснулась в кресле.
Курил старик, и апельсин
ломала дама,

и по салону дамин сын
сновал упрямо.
Он на огромной высоте
играл беспечно...
И значит, можно жить везде,
(хоть и не вечно).
Жить с огоньком, иль, как злодей, —
с одной утробой,
но жить с людьми, а без людей —
поди попробуй.

* * *

В. Николаеву

Это было задачей трудною:
продвигаться унылою тундрою,
попирать сапогом измочаленным
мировые пространства отчаянья,
неоглядных болот непролазие...
Брови хмурые — Азия, Азия.
Ни холма, ни столба, ни строения —
состояние лишь, настроение,
продвижение мхами духмяными
к Заполярью, что дышит туманами.

...И вот тут-то, в разгар продвижения,
я увидел мираж в утешение,
бесподобное встретил создание:
Человека! Какое свидание...

Он прошел без лица: в накомарнике,
словно пасечник сонный — под марлею,
как невеста под зыбкой вуальюю,
как хирург осторожный со скальпелем.
Он прошел параллельно и скрюченно,
словно поезд товарный измученный.
Из его рюкзака непомерного
собачонка торчала мизёрная.
Не облаяла, шуму не сделала.
Только зубы ооскалила белые.
Из-под ног человека — неистовых —
только клюква раздавленно пискнула.
И ни доброго слова, ни мерзкого!

Словно встретились в месиве Невского...
Как вопил я отчаянно вслед ему!
Даже выстрелил! Гадина вредная...

Промолчал! Не очнулся! Не выглянул.
Из-под марли окурочек выплюнул
и растаял, как знак, как пророчество.
...Не иначе — искал одиночества.

**ПУСТАЯ
ГОСТИНИЦА
НА КУНАШИРЕ**

Тот домик на сопке, уютный вполне,
совсем оказался безлюдным, и даже
огромная с красным лицом комендантша
сквозь сон улыбалась... шершавой стене.
всю ночь надрывался ревун на волне,
и порт оглашали печальные звуки,
и стапельных кранов обвисшие руки
всю ночь копошились в туманном окне.
Они копошились в окне, как во мне,
а я продолжал в простынях возноситься!
И маленьких женщин овальные лица,
как тихие луны, блуждали во сне...
Всю ночь опадал проникающий крик,
как морось туманная, трогал он уши.
И я ле на койке лежал, а на суше,
и ветер притворно кряхтел, как старик.
И пахла тлетворною мощью вода,
и что-то японское в ветре сквозило,
когда этот ветер в лицо заносило,
и плакал ревун, что любовь — прожита...
И вдруг я увидел: под своды зари
живым кораблем, неумно красивым,
всю ночь проносилась большая Россия,
и гнулись под нею моря-пузыри!
А следом, в кильватер великой земле,
плыл остров, закутанный в хвойную замшу,
плыл я, и большая плыла комендантша,
лежащая добрым лицом на столе.

КУРИЛЬСКАЯ ГРЯДА

В разрывах туч Курильская гряда
явилась мне
и скрылась навсегда.
И десять запоздалых птиц — крылом
пробили ночь и канули в пролом.
Кричал, как чайка, белый теплоход.
Сигнал, как мяч, отскакивал от вод.
И вдруг догадка по сердцу винтом:
пора простаться в мире обжитом.
Нет, нет, не с жизнью, (хмуриться постой!) —
так, с мелочишкой: с каменной грядой,
с Великим-Тихим, что умерил спесь,
(когда теперь увидимся? — бог весть...)
Пора простаться с дымом рыбака,
что согревает камни островка;
и с тем обломком крашеной доски,
и с тем летящим облаком тоски.
...И все бы ладно, все бы хорошо,
но скольких я прощаньем обошел:
тот старый клен, что срублен на дрова,
ту тишину, что выели слова,
тех мудрецов, что смолкли навсегда...
Прощай, прощай, Курильская гряда.

УТЕШИТЕЛЬНЫЙ МОНОЛОГ

И ныла кость на старом переломе,
и седина трещала на щеке,
и кто-то плакал вымученно в доме,
как Павел Первый, в белом парике...
Скажи на милость — как бывает тошно!
Редеют кудри, ширится живот,
и ноет кость безмозглая безбожно,
как будто в ней ребеночек живет.
Кошмар один! — как говорят в Одессе.
...И вдруг я вспомнил: много лет назад
впервые в жизни я увидел месяц:
кусочек луны, что золотила сад.
Ах, это было зрелище, поверьте!
И птица, птица в воздухе ночном
передвигалась, легкая, как ветер,
являясь то ли явью, то ли сном...
Потом собачка! Дивная мордаха —
пришла поцеловаться носом в нос.
И где-то куры начали кудахтать.
А там — цветы! И пара светлых кос.
И пара глаз. И женская улыбка.
И теплый воздух плавал — как звучал.
И мед в тарелке, медленный и липкий.
И тьма других открытий и начал.
— Как ты посмел в кругу земных событий
повесить нос, вздувая в сердце злость,
ты — человек! — не зверь и не Юпитер,
ты — сын земли, в котором ноет кость?! —
Так я спросил себя и умилился.
— Ты видел солнце, хилая душа,

ты видел жизнь и — ныл, а не молился,
не гимны пел, а бляял чуть дыша!
...Так, надавав себе мужских пощечин,
весь, как в дожде, в нахлынувших слезах,
я снова был и юн и непорочен,
и прочен был, как праздник в небесах!

* * *

Одари меня, утро,
не душистым цветочком,
а стихом златокудрым,
переливчатой строчкой!

Не взлохмаченной тучей,
косолапой и серой, —
русской речью могучей
отзовись в моем сердце.

Чтобы ранняя птица
в небе пела мне снова,
как на белой странице
соловьиное слово!

Чтобы сам я умылся
не водичкой безликой,
а великого смысла
вдохновенной музыкой!

* * *

Позвонили!
Так гулко, так рано...
Что за черт?!
А в ответ: телеграмма!
Телеграмма. Так кратко и строго.
Не письмо, не бумага — тревога.
Может, сразу побриться, одеться,
снарядить рюкзачок, завертеться?..

За окном в ослепительной рани
воробьи-звонари барабанят.
Поезда, сотрясая кварталы,
пролетают, шальны и удалы.
И поет, тороплив и пылаем,
пассажир, именуемый маем!

...Телеграмма пришла, слава богу.
Не иначе — с призывом в дорогу.
Не иначе...
А если — иначе?
Все равно: пожелайте удачи.

КОМЕТА

Удаляется комета от земли.
Наблюдать ее немногие могли.
Удаляется комета... А могла
дивным светом озариться — неба мгла.

Так порою с ясноглазою душой
появляется ребенок, всем чужой.
Ходит-бродит, огибая строй дельцов,
пишет горестные песни, как Рубцов.

И внезапно натыкаясь на удар,
удаляется, как дым, как белый пар,
превращается в космическую стынь,
удаляется, неся с собой светлынь.

И никто ему не машет рукой вслед.
На земле в такое время — тишь, покой.
Удаляется в соседние миры,
как забытый детский шарик — из игры...

ДОЧЕРИ

Научился ходить человек
от дивана до края стола.
У него уже — очи и плечи,
и свои молодые дела.

Нужно все перетрогать поспешно,
на молочный опробовать зуб:
ах, как бабушкин валенок нежен,
ах, как стол раскоряченный — груб!

Вот крапива, коль хочешь поплакать,
хочешь в небо — на папу залезь...
Как прекрасно, что в мире — собака
и дворовая кошечка есть!

...Все увидишь: и лес, и дорогу,
города и душистую рожь.
Будешь мир открывать понемногу,
а потом и до солнца дойдешь.

Спросишь маму: а это — откуда?
Это — что? И услышишь слова:
мама скажет, что солнышко — чудо,
и по-своему будет права.

Да и все остальное — чудесно
на земле!
И река, и цветы,
и варенье, и тихая песня,
и любовь, и особенно — ты!

СТРИЖИ

Карьер. Песчаная стена.
И птичьи норы, арки, ниши...
И визг до самого темна,
как будто здесь резвятся мыши.

Но вот в карьере взвыл гудок:
пришли копать... И, как Помпеи,
погиб стрижиный городок.
И смерти не было глупее.

Вся глыба, полная птенцов,
осев, распалась, затихая.
И тут один из мудрецов
сказал: «Яичница какая!»

Но догорела в зорях ночь,
и я, шагая над карьером,
увидел хлопоты — точь-в-точь
как те (чуть меньшего размера):

кружили шелково стрижи
над новым рядом гнезд весенних!
...У птичек не было души,
тогда — откуда их веселье?

И где обида? Где скандал?
Где нотки зла или надрыва?
...И новый пестуя обвал,
урча — машина землю рыла.

* * *

От звезды обманный свет
заглянул в твою обитель.
Ты влюбился в Нефертити,
а ее в природе — нет...

Но к любви себя готовь:
сквозь туман тысячелетий
видишь, светит, видишь, светит
с тем же профилем — любовью!

НА ТУРБАЗЕ

Непогода, как зуб, расшатала стекло.
Может, здесь зазимую
в ничтожной сторожке?
Никогда еще так никуда не влекло:
ни в раздумьях, ни вдоль по дорожке.
А дорога уходит под старую ель,
и над ней, над дорогой,
над хрупкой надеждой,
начинает слегка завиваться метель,
чтобы сделаться к ночи —
зимою безбрежной...
«Сочиняешь, мой милый: в лесу зимовать!
Нам с тобой —
и в столичной квартире прохладно.
Почему ты меня перестал целовать?
Не сейчас, а по будням?
Не так, а — бесплатно?»
«Может, это от неба? Влияние звезд?» —
говорю ей, а сам
собираю пожитки...
«Ах, куда ты меня, —
отвечает, — завез
по сухому,
по серому снегу,
по жизни?»

Не кричи, разговаривай шепотом:
я услышу тебя, как судьбу.
Я уже успокоенный, шелковый,
из зерна перетертый в крупу.
Золотая на зернышке кожица
так была до смешного хрупка...
Перетерпится все, переможется,
перемелется — будет мука.
...Вот иду по укрытой от солнышка,
по прохладной тропинке в хлебах.
Тихо так, что заречный соловушка,
словно здесь — у тебя на губах.
Вот и мы до хорошего дожили,
до большого порядка в груди,
если рады и снегу, и дождику,
и оврагу, что встал на пути.
Хорошо нам в себе, как в обители.
Ты молчишь... Но, как свежий ожог,
твой мучительный взгляд восхитительный!
...Отчего ты притихла, дружок?
Для чего под глазами крылатыми
голубой загостился ледок?
Почему этот розовый, лаковый
облупился, облез — ноготок?
Говори!
Наша боль не досказана.
Время есть — немоту превозмочь...
Не навеки заря распрекрасная
окунается в черную ночь.

Весна. Машина у обочины.
Подснежник пялит синий глаз.
Стою, ничем не озабоченный.
Судьба, как молодость, сбылась.

Стою. Смотрю куда-то в сторону,
вскользь от шоссе. В иную суть.
А за спиною те, с моторами
одолевают жизни путь.

Куда они? Своей дорогою?
Своей, но — общей, столбовой.
...Но вот и я сажусь и трогаю
вперед! — под общий гик и вой.

По сторонам молчат кустарники,
болота стынут, дебри сплошь.
Летишь, и все тебе по-старому:
с пути в канаву не свернешь.

А кто свернул, тот вверх галошами
вон-вон пускает пузыри...
Веди свой транспорт, как положено,
и за рулем не говори.

Протри стекло, заправься заново.
Ты вставлен в век, как в череп — глаз!
А про «куда?», про это самое —
потом, потом... Не в этот раз.

* * *

Когда я потускнел, и поржавел,
и пообтерся,
это ль не зловеще? —
ко мне впорхнула стая дивных тел!
Блистательных и девушек, и женщин...

А раньше?!
Где вы были жизнь назад?
Когда я сам
летал и разрастался,
когда еще благоухал мой сад,
когда я ласки в поисках метался?

...Вот вы пришли.
Я вам налью чайку.
Я вам стишок бесполой проболтаю...
Танцует снег.
И холодно виску.
И почему-то сахар долго тает
в моем стакане...

Просят почитать
стихов, стихов!
И я, как добрый клоун,
читаю, чтобы таять и блистать,
как этот снег на заовражном склоне.

* * *

Знобило. Острый холодок
сидел, как градусник под мышкой.
Беззвучно рос в горшке цветок.
А за окном — и гром, и вспышки!

Дождь заливал мое окно,
как будто в стекла билось море...
Вошла печаль, внесла вино,
хоть были двери — на запоре.

И все бы шло в который раз,
как на цепи: кругом по кругу,
но, словно взрыв меня потряс:
скорее к ней! Скорее к другу!

И с ног валил меня поток,
и шквальным был души восторг!
И сшиблись наши две тревоги,
и поцелуй ударил в ноги,
чтоб выйти в землю, словно ток!

...Но праздник выдохся в крови,
и сняты флаги... Что — парады? —
когда дышали рядом — радость,
и одиночество — в любви...

* * *

Сегодня дождь, и над планетой
шныряют тучи, аки псы!
Ну, вот и все... Была и нету.
Не позабыть ея красы.

Была владычицей, отрадой,
отравой — все в один клубок!
И только не было в ней правды,
любви, которая как бог.

Сейчас пожмем друг другу руки,
(скорей бы ночь: не видеть глаз).
Все обошлось: ни малой муки,
ни даже слез на этот раз.

Пора рубить концы... Отчалим.
Но всяк — в себе! (В своем пальто...)
Как тяжки все эти прощанья,
как трудно верить — ни во что.

И как снаружи нас знобило,
как изнутри — нещадно жгло!
И хоть мгновенным счастье было,
но — посетило...
Снизло.

* * *

Вхожу пешком в красивый город,
в котором не был никогда.
Глядят наивно светофоры,
гудят победно провода!

Над парком тяжкие вороны
крикливо сбились в свой табун.
Стволы берез, как макароны.
Нежданный холод — сух и юн.

А на скамье, как на ступени
крыльца, ведущего к зиме,
сидела ты — цветок весенний —
с кудрявой песенкой в уме.

Она в глазах твоих и взорах
таилась — песенка без слов...
И, как рояль, холодный город
вздыхал аккордом проводов!

* * *

Большое облако по небу
несется — малому вослед!
...Люблю тебя легко и слепо,
а ты меня неужто нет?

А ты опять, как дивный иней,
души касаешься, ярка.
И день и ночь в пустынной сини
бегут куда-то облака.

Но не догнать им, не настигнуть
друг друга в жизни — никогда.
Восторг потухнет, радость стихнет,
луна блеснет сквозь провода.

И над морозною долиной,
над светлым миром, как тоска,
так и не слившись воедино,
растаят эти облака...

СЧАСТЛИВОЕ СРЕДСТВО

Пришла пора, и я готов
к заре закатной, к всепрощенью...
Пойду нарву в полях цветов,
украшу свой приют вечерний.

Забыв блестящие слова,
я изъясняюсь в блеклом стиле.
Ужель созрела голова,
все соки в ней — перебродили?

...Я созерцаю этот мир,
я цепенею, каменею.
И вот уж тоненький пунктир
меня связует с жизнью... С нею...

И быть бы мне бездушной льда,
невозмутимей камня Будды,
когда б не ты, моя беда,
когда б не твой восторг сумбурный!

Вот испугалась ты грозы,
вот обожгла крапивой ногу!
...И все миры — твоей слезы
уже не стоят, слава богу...

Так мимолетна вечность взгляда
нас наблюдающей звезды...
Зачем сидим в пещере сада,
что ожидаем — я и ты?

Здесь сталактиты — яблонь ветки,
неколебимы и бледны.
Так мимолетна вечность ветра
и нерушимость тишины.

Я открываю рот, и листья
летят с ветвей на шар земной.
Так мимолетна пташка мысли,
на волны брошенная мной.

На волны моря и эфира,
в зыбучесть времени, как в шум...
Так мимолетны в этом мире
и мы, и боги наших дум.

И лишь твои — и дух, и тело —
нетленны в чреве бытия:
как всемогуще ты глядела
на этот мир, любовь моя!

* * *

Живешь галопом, скач неистов.
И вдруг в потоке дел и слов —
глаза внезапные, как выстрел
из двух стволов!

Удар! И женщина проходит,
как жизнь... Была, и нет ее.
Вранье, что нет чудес в природе,
ей-ей, вранье!

И долго после дивной встречи
по жизни бродишь, как чумной.
И давит, давит быт на плечи,
как банный зной.

Но светит, светит, как светило,
та, взглядом явленная, новь!
Как будто землю посетила
сама любовь.

ПРОЩАНИЕ С БЕРЕЗОЙ

Есть и у нас заветная береза,
плакучая, живая, как фонтан.
...Но кто бы знал, как зябко и непросто
мне проходить порой — по тем местам...

Тогда беру любимую на помощь
и, если светит дымная луна,
иду прощаться, рассекая полночь,
иду к березе. Мне она слышна!

Там, на холме, с нее спадают листья,
стучат о землю — россыпью минут.
И я прощаюсь, жалок и неистов,
забыв, что ты притихла где-то тут.

И что б я делал с этой черной прозой,
что за холмом притихла меж ветвей?
Но всякий раз, прощаясь с той березой,
встречался я — с улыбкою твоей!

* * *

Усни, твой сон — игра на скрипке!
А коль смычка не удержать,
играй на собственной улыбке,
учись ритмически дышать.

Гундось в платок гобоем носа,
звени литаврами ушей!
...Владеет музыка гипнозом.
Она струится с этажей

и растекается вдоль улиц...
И храп, и сап, и сонный бред
так сладкозвучны, что уснули
дома, асфальт и парапет.

А ты играй мне на сердечке,
на клапана дави, дави!
Как музыкальна бесконечность
небес, молчанья и любви.

...Что он — без музыки и веры,
и без мечты, как без руля —
прозрачный шарик атмосферы,
в котором плавает Земля?

НОВЫЙ ДЕНЬ

Мой новый день — мой новый друг,
швыряй мгновенья удалые!
Как непохож ты на бывлые
часы крушений и разлук.

А тот, кто в сердце наследил,
кто наши промахи запомнил,
тот все равно бы нас не понял,
не пожалел и не простил.

Мой новый день — мой новый свет,
мой сад нарядный в белых вишнях.
Ко мне другая радость вышла,
и горя нет, и боли нет...

А кто до этого гостил,
кто наши промахи запомнил,
тот все равно бы нас не понял,
не пожалел и не простил.

Мой новый день, мой новый век,
в какой дали растаешь птицей?
Любовь людская повторится,
не повторится — человек.

А кто своей любовью мстил,
кто наши промахи запомнил,
тот все равно бы нас не понял,
не пожалел и не простил...

Не сидели за одной
партой... Не чирикали.
Просто встретились весной
и едва не вскрикнули!

Платье было голубым,
небо было ласковым.
Возле радуги-губы
родинка глазастая.

Обнялись и так пошла
по асфальту линии.
Над Невою корабли
белые, как лилии.

И во всю мужичью прыть
билось сердце молнией!
Тики-так, не страшно жить,
умереть — тем более.

Шли, как будто каждый спас
ребятенка малого...
...Но часы пробили час
там, на Петропавловке!

Много зим и много лет
с этих пор огпрянуло.
Голубого платья нет,
нет веселья рьяного.

И уже за синевой,
холодом палимые,

все равно — не по кривой,
мы идем — по линии!

И хоть время истечет
на часах у каждого,
так и быть ему — лучом,
направленью нашему.

МАДОННА

Кормящая младенца, ты смиренна.
Не женщина, не форма. Только — мать.
Прощаю все: и бестолочь, и ревность
за жертвенность! Себя на две — разъять.

Ты на руках второе держишь сердце.
Свое второе. (Дочь придет потом...)
Она сейчас питается усердно
твоим сияньем, в теле разлитом.

Глаза дитя блуждают по вселенной
твоих очей. Ты родила — глаза.
Не позвала — исторгнула из плена.
Так нарождает музыку гроза!

...Что на земле верховнее рожденья?
Ничто. Ни власть, ни смертная печать.
И никогда и никакие тени
лучей любви не смогут умолчать!

Снег небесный,
снег нерукотворный,
я в твоей снежинке
каждой беспризорной;
в каждой иллюзорной
жизни... В искре каждой
звездочки узорной,
вспыхнувшей однажды!

Долгий танец
в воздухе вечернем.
Где паду-растая,
завершив верченье?
Вижу, в небе звезды
тают, как снежинки.
Или то — морозной
вечности ужимки?

Друг мой, сердце,
радуйся почаще!
Мы с тобой не в прошлом
и не в настоящем;
не в воде упругой
и не в зыбкой суше, —
мы — над млечной вьюгой,
где танцуют души!

ВИДЕТЬ НЕБО

**Живя в коробочке из камня,
что видишь ты, помимо стен?
Окно? В окне — жилые скалы
да складки уличных систем.**

**...С утра взвиваешься свирепо,
ныряешь в лифт, затем — в метро!
Живя, обходишься — без неба,
решив, что в мире все старо.**

**Вот и вчера, под ноги глядя,
я мчался, городом объят,
и вдруг какой-то зоркий дядя
сказал: «Журавлики летят!..»**

**Плыл над Невой закат пунцовый,
весна ворочалась вдали,
а там, над площадью Дворцовой
и впрямь летели — журавли!**

**Немного их... Обрывок стаи,
но все равно, держась углом,
натужно (видно, что устали)
они стремились напролом!**

**Добро бы где-ни то над склоном
полей, над сучьями лесов, —
над Александровской колонной
прогрохотал их трубный зов.**

...Они прошли. Уже стемнело.
А я все вглядывался в высь,
а я все ждал остолбенело,
покуда звезды не зажглись.

Покуда кто-то из прохожих
не зацепил меня плечом...
И все! И радоваться можно.
И даже — думать кой о чем.

ЗЕРНО

Нашли пшеничное зерно
в гробнице — в глиняном сосуде.
Века дежурило оно,
как будто знало: вспомнят люди!

Двадцатилетний лаборант
посеял зернышко. И солнце
сказало семечку: пора!
Пускай росточек вознесется.

И шевельнулась в почве жизнь,
и взмыл побег зеленоликий
в свою, пусть мизерную, высь,
где ощутил простор великий.

И замер весь недвижимый мир,
вся вечность выгнулась угодно
пред тем, кто жил хотя бы миг,
хотя бы миг... Но жил. Свободно.

ПО СУХОНЕ

Вологодским друзьям

Из провала меж туч,
как из ниши,
наблюдала за нами луна.
И летел наш кораблик притихший
по реке, освещенной до дна.
Точно копья, стучащие в латы,
сшиблись молнии в дышащей мгле!
...Собрала нас не магия клятвы,
а любовь к этой древней земле.
К этим спящим, молчащим избушкам,
к этим ветхим, ничьим куполам...
И скрипел поредевшей гребенкой
робкий лес по окрестным холмам.
Незабвенная ночь!
Непогода.
Ветра стон и громовый раскат.
...Нас на палубе — мало народу.
Остальные устали и спят.
Спят по этим лесам и оврагам,
городам и дорогам — окрест,
под шатром, а вернее — под флагом
бесконечно родимых небес!
...Нет, недаром гроза бушевала,
и кораблик спешил неспроста.
И над Вологдой ночь проплывала,
нашей верой и правдой чиста.
Не напрасно над палубой утлой
мир звучал, опьяняя, как стих!
И навстречу стозвонному утру
пели взоры собратьев моих!

ОРДЕНА

Приняв снотворное, уснул
старик... Но и во сне
ему являлся танков гул
и Родина в огне.

И сам он бешено, как танк,
стреляя на ходу,
в одной из утренних атак
взлетал на высоту!

Хрипя, катился смертный вал,
и в чем-то штык завяз,
и вдруг!.. Но все ж он не упал,
к березе прислонясь.

Дымился бой, и тек с небес
свет солнца, как металл.
А он стоял, вращая в лес,
и санитаров ждал...

...Какая быль, такие сны.
Проснувшись, сам не свой,
старик как бы пришел с войны
в который раз живой.

На кухне он, глотнув вина,
шуршал листвою газет.
И вдруг прочел про ордена
спортсменам... мирных лет.

Он вдруг рванулся, как в бреду,
к столу, где дни хранят,

как сгусток крови, ту звезду,
что привинтил комбат.

Ах, эта Красная Звезда...
Он к ней лицом приник.
«Вот прикручу тебя сюда,
как встарь...» — шептал старик.

Но тут газетные листы
вдохнули от стола...
И молча тяжесть той звезды,
как прежде, в стол легла.

Что ж, орден можно без труда
снять и надеть... Но бой,
но та святая высота —
они всегда с тобой!

* * *

Не объявляя прошлому войны,
перебираю старые бумаги:
вот эти знаки дружбой рождены,
а эти строки — азбукой отваги...
Но вот письмо, где все наоборот!
Ты мне писала: «Здравствуй, нелюбимый.
Я поняла, какой ты весь не тот,
какой урод, какой источник мнимый...»

Хотелось злые буквы смять, разъять!
Сжечь на огне, потом развеять пеплом!
...Но я прочел их медленно раз пять.
И вновь прочел, чтоб истина окрепла.
Коснуться правды — сладкая мечта.
Коснуться голой правды — вдвое слаще!
Бумажку сжечь?!
Ну что вы! Никогда.
Я спрячу то письмо в надежный ящик.
И пусть лежит... Как чистый бриллиант,
Во тьме сверкая неподкупным светом,
как будто в нем — твой разум, и талант.
и красота...
Которых в жизни нету.

Необходима свету мгла.
Огонь в огне расплывчат.
...Из всех ты самая была
развинченная личность.
Уста кадили табаком,
глаза — зеленой фальшью!
Могла ты шлепать босиком
в столице по асфальту.
Могла возникнуть на столе,
сверкнув, как статуэтка,
отбить чечетку и — ап-ле! —
пропасть, как птица с ветки.
Швыряла встречному в огонь
свою красу-удачу.
Не раз под пляшущий вагон
во сне бросалась с плачем!
...Где мы с тобой пересеклись,
как два луча во мраке?
Над морем Прошлого?
Продлись,
яви бывшего знаки!

Напрасно годы нас хотят
призвать в любви к порядку:
ах, побывать в ее когтях
в любое время сладко!

* * *

Что к ночи в голову не лезет,
когда один, вplывая в рожь,
свое прошедшее в разрезе
сквозь настоящее несешь...
Вот насаждает с неба туча,
вот — электричество в крови!
Вот лес недалёкий тянет сучья,
как бы моля: благослови...
А кто меня (в моем пальтишке)
оборонит, благословит?
Я тоже вижу эти вспышки
и той же тучею повит...
Вот широко, как туча в туче,
рисую плавные круги,
степенный ястреб мчит беззвучно
над миром, где его враги:
машины, люди, дым слепящий,
стальные лезвия дорог...
Он одинок.
Но он — летящий.
Он хмур.
Но путь его широк.
И я, сорвав свою кепчонку,
сигналил птице что есть сил!
А после пел.
Светло. О чем-то.
И долго песен не гасил.

ПРОСЕЛКОМ

Подо мной — велосипед.
Он скрипит, не мазан.
Он ворчит, как старый дед.
У него — маразм.
Ах, какие тут места!
Все душе — отрада.
Колокольня без креста,
ниже — венчик сада.
Трактор скачет по буграм,
что-то сеют люди.
По проулкам и дворам
поросята блудят:
Стонет мой велосипед,
делает восьмерки...
Белобрысый шпингалет
вышел из каморки.
Улыбнулся и стоит,
потеряв штанишки.
И какие-то свои
делает делишки.
В землю вросшая изба,
над избой — береза...
...Эти признаки — судьба,
доля, а не поза!
Городской, не я здесь рос,
внук красе и силе...
Здесь, под куполом берез, —
колыбель России!

* * *

Б. Тайгину

Деревья не страдают завистью,
не ссорятся, не лгут, не мирятся...
Черемуха была красавицей,
а яблоня слыла кормилицей.
Черемуха весной дурманила,
горячие кружила головы...

А яблоня, как дочка мамина,
румянилась цветами гордыми.
Изогнутое тело-бровнышко
так женственно росло, так преданно.
В ней что-то было от буренушки —
такая вся была безвредная...

Черемуху ломали, тискали
и с яблони срывали сладкое...
И каждая дарила искренне,
переполняясь болью ласковой.

...Два дерева, две нежных разницы.
Но жизнью им обоим велено
являть собою только праздники,
одни лишь светлые мгновения!

ЗА ДАЛЬЮ ВЗГЛЯДА

Отпрянешь от глаз,
излучающих синюю удаль:
не землю, а небо
являют родные глаза!
Мы созданы в небе.
Оно проявляется всюду:
в кремневой песчинке
созвездий шумят паруса...
Давай поразмыслим.
За чаем. С вишневым вареньем.
...Мы явно оттуда,
с того океана, с небес.
Мы только земное, свое
завели себе время,
а так мы оттуда,
откуда безмолвствует блеск.
И, может быть, нам
подаются знакомые знаки,
и нас обтекает
какая-то прежняя суть...
И вечные души
людские
тоскуют во мраке
и зябко, как мы,
озираются, трогаясь в путь.

* * *

Глядеть в окно в полночный час,
писать стихи о шуме ветра,
пока не примет мозг приказ:
уснуть под скрипочку рассвета...

Так было прежде, в дни побед,
когда душа топталась в танце.
Но тот мотив, тот пируэт —
свершен!
Зима наводит глянца,
и нужно сердце утеплять,
и нужно верить в пользу стужи,
и кофе пить...
И вот уж — глядь! —
ты стал развалиной снаружи...

Снаружи! Но не изнутри!
Печальный факт, а сколько смысла.
Гори, звезда моя, гори,
покуда я дождем не смылся,
не растворился в швах земли,
не испарился песней в тучу!

...Блажен, кто весел... на мели.
Кому вся жизнь — забавный смучай.
Кому не мыслить — кофе пить,
не сомневаться — делать позы
и непосредственностью быть:
познав шипы — шипеть на розы.

ОДА
ВАЛЬСУ

Из состоянья пагубной печали
всего сподручней в радость перейти
посредством вальса!
В музыку отчалить...
Обнять «объект» и ножками грести.
Горят глаза румяного «объекта».
Забыт не стыд — забыта суета.
И ты летишь,
уже не ты, а некто,
и смерти нет — есть женские уста!
Наполнен клуб, как газовый баллончик,
кипеньем вальса!
Соловьиный рев...
И что с того, что повернуло к ночи?
Сегодня — вальс!
Да будет он здоров.
Любовь потом:
под мудрость (не под старость),
а нынче — вальс,
где нужно мочь и сметь!
...К исходу ночи истиною станет,
что на земле прекрасна даже смерть:
не гибель, нет, но вальса испаренье,
испеленье музыки ума...
Из состоянья раннего смиренья
выводит вальс,
как молодость сама!

* * *

Осень в садах. Осадили дожди...
А над нами —
синего неба окно
и такой омутной глубины!
Вечная жизнь...
Кавалер в допотопной панаме
ищет грибы
под покровом уютной сосны.
Осень в садах.
Старомодная жизнь на планете.
Хочется плыть по великой осенней реке:
прыгнуть в ладью —
и адью! — большеротые дети!
Сами кормитесь,
а я поплыву налегке...
Гей, берега!
Как приятно, что мы незнакомы.
Режет весло тихоструйные нервы волны.
Добрая жизнь, мне твои прописные законы
слаще стихов
и любой неземной тишины.
Осень в садах...
Свистопляска цыганская листьев!
Девушку встречу —
отдам ей прощальный поклон.
Вздрыгнет береза,
как модница шкуркою лисьей.
Осень в садах.
Под подкладкой пальто — поролон.

СВЕТЛАНЕ

В тот час, когда лучами всеми
излились звезды,
ночь крапя,
явилась девочка на землю
и подарила нам себя.
Оборони, земля родная,
ее от скуки и беды.
Пусть эта капелька познает
любовь и вечность — две мечты...
Откройте форточку на мгновенье —
там над страной прошла гроза:
дыханье рта и ветра рвенье
в одни сольются паруса.
Потом ей солнце поднесите,
раздвиньте белое тряпье
и покажите ей Россию,
большую родину ее.
...И полетит кораблик жизни,
одолевая волны дней...
И сам Орфей пером лучистым
напишет песенку о ней!

* * *

Ничего не случится...
Цветы не возникнут до срока.
Не ударит гигантская молния
в сердце Земли,
не проснется король
в апельсиновом царстве Марокко,
не придут под окно
на стальных животах корабли;
будет поезд идти
из Иванова в город Владимир,
телеграммы скользить
по висящим в дожде проводам;
ничего не случится
с умеющим быть невредимым;
алым дымом заря
все равно пробежит по кустам...
Не заплачет слезами
раздетая статуя в парке,
не вернется Шаляпин
в Россию из странствий своих,
не ударит по трубам
печаль из глубин кочегарки,
если кто-то разлюбит из нас...
Из двоих.
Ничего не случится!
Любви оставаться — живою:
над рекою — расстались,
над озером — встретились двое!

В НОЧНОМ

За деревней, там, где сложен
из соломы стог, как дом,
на тропе стояла лошадь...
Настоящая притом...
Ночь была по цвету рыжей:
виноват желток луны.
Замер я, а лошадь дышит.
Оказалось: смотрит сны.
Спит. Шикарно. Как с мотором.
Рокоча...
Но вот она
приоткрыла глаз, в котором
так и вспыхнула луна!
До чего степенна кляча:
ни в бочок, ни на дыбы...
Пожелал я ей удачи
и отбыл тропой судьбы.
Шел, а лошадь —
сквозь усталость
вспоминалась: ай да спесь!
Ну и тварь! Не испугалась.
Глаз и тот зажгла не весь...
Знать, привыкла, точно к лесу,
к людям! Сонная душа...
Вот и спит в разгар прогресса.
Вымирает не спеша.

ОСЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

В дугах последние цветы,
в лесах последние листочки.
Все! О любви теперь ни строчки.
Глаза прохладой налиты.
Прохладой выставших небес.
Пора терпенью обучиться.
Смотри, по небу ангел мчится,
рыча мотором, будто бес.
А впрочем, дай свою ладонь.
Ни слова! Нежность так непрочна.
Ни шепотка о ней, ни строчки!
Попритуши в душе огонь.
...Присядь на камень полевой.
Миллионы лет в гранитном сгустке.
А ты дрожишь, как голый кустик.
Прильни ко мне. Ведь я живой.
Я — миг живой среди камней...
Пусть дремлет вечность, непорочна...
Мы — дети жизни!
Звучной, сочной!
Вся кровь и помыслы — о ней.

СОДЕРЖАНИЕ

Видения на холмах	5
Баллада о старом генерале	7
Мгновение	8
Письмо	9
Блокадная дверь	10
«На военных дорогах...»	12
Мирные люди	13
Два колодца	15
Видение на поле боя	16
Выстрел	17
Крылья женщины	18
«По ступеням...»	20
Старый охотник	21
«Поет принаряженным голосом жалкая птица...»	22
«Перед сном...»	23
Высота	24
Пассажиры	25
Дом у дороги	26
«Лежать...»	28
Птицам	29
Вода земли	30
Приметы	31
«Проходит стадо выгоном...»	32
«И вздрогнет душа на ветру...»	33
Пробуждение	34
«Просыпайтесь, веселые клеточки...»	35
«Закрываю веки глаз...»	37
Лики прошлого	39
На чужом фундаменте	40
Наташе Шурыгиной	42
Лес	44
Граница	46
В дубовой роще	47
«Осень. Копают картошку...»	48

У плагбаума	49
Из жизни слов	50
В полете	51
Дом рождения	52
Летний сад зимою	53
Разговор поэта с горами	54
«Всего-то пути: от шоссе до деревни...»	55
В музее	56
«Как в клетке...»	57
«Стучи, мое сердце... »	58
«Разве мне это нужно...»	59
Плач по красивому телу	60
Сигналы точного времени	61
«Переставлял себя, как мебель...»	62
«Рассматриваю землю в микроскоп...»	63
«Они гнездо с любовью вили...»	64
Пейзаж	65
«Меня ворона вдохновляет!..»	66
Родничок	67
Хорошо	68
Берег юга	69
Хорошие мысли	70
Лицо африканки	71
«В убранстве пышном и старинном...»	73
Пролетая над океаном	74
«Это было задачей трудною...»	76
Пустая гостиница на Кунашире	78
Курильская гряда	79
Утешительный монолог	80
«Одари меня, утро...»	82
«Позвонили!..»	83
Комета	84
Дочери	85
Стрижи	86
«От звезды обманный свет...»	87
На турбазе	88

«Не кричи...»	89
«Весна. Машина у обочины...»	90
«Когда я потускнел...»	91
«Энобило...»	92
«Сегодня дождь...»	93
«Вхожу пешком в красивый город...»	94
«Большое облако по небу...»	95
Счастливое средство	96
«Так мимолетна вечность взгляда...»	97
«Живешь галопом...»	98
Прощание с березой	99
«Усни...»	100
Новый день	101
«Не сидели за одной...»	102
Мадонна	104
«Снег небесный...»	105
Видеть небо	106
Зерно	108
По Сухоне	109
Ордена	110
«Не объявляя прошлому войны...»	112
«Необходима свету мгла...»	113
«Что к ночи в голову не лезет...»	114
Проселком	115
«Деревья не страдают завистью...»	116
За далью взгляда	117
«Глядеть в окно в полночный час...»	118
Ода вальсу	119
«Осень в садах. Осадили дожди...»	120
Светлане	121
«Ничего не случится...»	122
В ночном	123
Осенние противоречия	124

Горбовский Г. Я.

Г 67 Видения на холмах. Стихи. М., «Молодая гвардия», 1977.

128 с.

«Видения на холмах» — восьмая книга стихотворений ленинградского поэта Глеба Горбовского. Сборник составлен из новых стихотворений, написанных автором за последние два года. «Видения на холмах» можно было бы назвать «Книгой любви», потому что главной темой является то высокое чувство, что проявляют люди к своей Родине, земле, друг к другу.

Г 70402—066
078(02)—77 194—77

P2

ИБ № 474

Глеб Яковлевич Горбовский

ВИДЕНИЯ НА ХОЛМАХ

Редактор **Вад. Кузнецов**

Художник **Б. Попов**

Художественный редактор **А. Романова**

Технический редактор **Н. Баранова**

Корректоры **Л. Матасова, Г. Василёва**

Сдано в набор 18/VIII 1976 г. Подписано к печати 17/II 1977 г. А00575. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 1. Печ. л. 4 (усл. 5,6). Уч.-изд. л. 4. Тираж 50 000 экз. Цена 42 коп. Т. П. 1977 г., № 194. Заказ 1418.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцневская, 21.

42 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ